

Вадим Муратханов

ДРУГАЯ ЖИЗНЬ

Анвар я помню, наверное, с того же времени, что и своих родителей. Вот мы идем, обнявшись за плечи и стараясь петлять по всей ширине нашей узкой улицы, распевая: «Мы пьяницы, мы пьяницы...» Взрослые сидят на скамейке у водопроводной колонки. Они не делают нам замечаний — наоборот, улыбаются, и мы с упоением все глубже входим в роль.

А вот еще более раннее воспоминание: завидев друг друга на разных концах улицы, бежим что есть сил навстречу друг другу и обнимаемся с разбегу. Я вдыхаю запах Анвара. Мой друг пахнет кислым недопеченным тестом. Почти такой же запах много лет спустя источала моя будущая жена, и я не смог перед ним устоять, хотя родственники долго и укоризненно качали головами, узнав, что я сделал ей предложение.

Вот мы уже постарше: бежим, но не навстречу друг другу, а наперегонки. От столба напротив ворот дома, где пекут лепешки, до раскидистого адамова дерева с ароматными свечами соцветий, где наша извилистая улочка впадает в бульвар. «На старт! Внимание! Арш!» Босые пятки Анвара мелькают передо мной, и в первые несколько секунд, пока он еще не оторвался от меня, я слышу, как чашто они чиркают об асфальт.

Анвар обычно добегает до дерева первым, а если я вдруг опережаю его, он всегда предлагает: «Давай еще раз», — и мы бежим обратно к столбу.

Несколько лет мне не удавалось выкроить время, чтобы слетать на родину. Бизнес и семья, семья и бизнес... В какой-то момент они срастаются так плотно, что перестаешь отличать одно от другого. В списке намеченных дел сдача отчета в налоговую и запуск корпоративного сайта соседствуют с поиском репетитора для сына и арендой кафе к юбилею жены. Все труднее найти между пунктами плана зазор, чтобы успеть что-то важное, вытесненное на обочину. И все острее ощущение, что в этих неиссякающих хлопотах проживаешь по ошибке не свою, а чью-то чужую жизнь.

Земляки, с которыми пересекался в Москве в последние годы, как бы между делом спрашивали: «Что там Анварчик чудит? Ты не в курсе?»

После самолета я проспал целый день. Среди ночи проснулся и слушал, как ворочаются и шепотом разговаривают в соседней комнате родители. Не знаю, что они обсуждали — мою жизнь, свое здоровье или домашние заботы, — их шепот был как журчание арычной воды. Нельзя было разобрать ни слова, но звук убаюкивал, и я снова уснул, глубоко и надолго.

Утром, впервые за долгое время, у меня в голове не было никакого плана. Я понятия не имел, как проживу этот день, но знал, что обязательно зайду к Анвару.

Дверь высоких деревянных ворот была приоткрыта, и я, как бывало в детстве, вошел во двор без стука. Я не решился сразу направиться в дом, рассчитывая, что меня заметят в окно и пригласят.

Во дворе стало меньше деревьев. Беседку разобрали. Загон для овец с втоптаннами в землю остатками сена пустовал.

В конце двора по-прежнему высился «туалетный урюк». Мы называли его так, потому что ствол его тянулся прямо сквозь крышу фанерного туалета. Мы брезговали есть его плоды, хотя это был самый сладкий урюк на всей улице. Зато использовали его как наблюдательную вышку — карабкались, с ветки на ветку, до середины дерева, и вся махалля лежала перед нами как на ладони, не скрытая оградами и дувалами. Сейчас верхушка урюка была спилена, но он все еще плодоносил. Я поднял с земли желтый плод с черными шершавыми крапинками и положил в карман.

Длинный дощатый стол, на котором мы часами резались в теннис, припал на подломленную ногу и торчал одним углом вверх, наполовину заваленный грудой кирпичей. Я вспомнил, как злился Анвар, если шарик после моего удара попадал в зазор между досками и отскакивал в сторону. Он играл лучше, и эти счастливые случаи с непредсказуемым отскоком были моим единственным шансом на победу.

Через несколько минут дверь дома скрипнула, и Зафар-ака, отец Анвара, окликнул меня. Он был все тот же — рассеянная улыбка и несколько морщин поперек лба, как будто он все время силился прочесть какую-то набранную мелким шрифтом инструкцию.

— Садись, пей чай, — указал на стул Зафар-ака после первых вежливых вопросов о моих делах и здоровье родителей. — Анварчик у себя. Всю ночь занимался. Я попозже его разбужу, ладно? Он не знает, что ты приехал, обрадуется. Ты пока отдыхай. Телевизор не работает, извини. Надо мастера вызвать...

Продолжая говорить, Зафар-ака вышел из комнаты, и я остался один.

Черно-белый «Горизонт» стоял, как и прежде, в углу, и старая антенна покоилась на нем, пыльная, с одной уцелевшей спицей.

Я вдруг вспомнил, как ясным октябрьским утром мы все сидели у «Горизонта» — Анвар, его родители, сестренка Зульфия, я и несколько приглашенных друзей. По местному телевидению показывали Анвара и меня в передаче «Ровесник». Выпуск был посвящен переменам, которые переживал комсомол, и новым веяниям в молодежной среде.

Вообще-то, поначалу снимать должны были только Анвара. Это он сколотил из одноклассников инициативную группу «Мы ждем перемен». Он отправил в городскую молодежную газету «открытое письмо старшеклассника» к Съезду народных депутатов — и его напечатали. И именно его школьное сочинение выиграло районный конкурс по литературе. Анвар развивал в нем идею о «тождественных сущностях» — новом методе художественного перевода, когда переводчик для максимального приближения к оригиналу на время сливается посредством медитации с личностью автора.

Анвар говорил на камеру горячо и уверенно, как будто каждый день имел дело с телевизионщиками:

— Перетрясать изжившую себя номенклатуру, менять шило на мыло, наводить макияж на покойника — пусть этим занимается уходящее поколение политиков. Мы будем строить новое общество, основанное на законах чести и справедливости.

Я сидел на скамейке, не попадая в камеру и не помышляя об участии в передаче, но когда Анвар закончил говорить, он указал на меня ведущей:

— Вот, рекомендую, мой друг и единомышленник, известный активист экологического движения. Его вам тоже обязательно надо записать.

— Нет, ты чего! — замотал я головой.

Анвар не дал мне опомниться:

— Разве не ты пытался остановить озеленителей, когда они приехали рубить здоровый тополь в школьном дворе? А еще, — обернулся он к съемочной группе, — он принципиально ездит по городу только на троллейбусах, в знак протеста против загрязнения воздуха.

Про троллейбусы он придумал только что, но получилось убедительно.

Ведущая, в кепке, очках и без возраста, отвела меня в сторону.

— Когда я дам команду, сможешь повторить: «Мера ответственности каждого определяется значимостью общей задачи перед вызовом времени»?

— Смогу, — пожал я плечами.

— Отлично. Мотор! — скомандовала ведущая, и я, запинаясь, повторил, как она просила, странную фразу.

— А почему ты так считаешь? — поднесла ведущая к моим губам микрофон, и тут я замолчал надолго.

Тем временем Зафар-ака вернулся.

— Не помню, показывал я тебе или нет?

В руках у него были золотая медаль Анвара за окончание школы с отличием и папка, в которой лежали несколько его почетных грамот. Я уже не раз видел медаль и грамоты, но ответить не успел. В эту минуту в комнату быстрым шагом вошел Анвар.

— Папа, зачем вы мучаете человека бумажками? Это же все прошлогодний снег.

Он крепко обнял меня.

— Когда прилетел? Вчера? Почему не зашел? Ну давай, рассказывай, что у тебя и как.

На первый взгляд мой друг не изменился и излучал все ту же уверенность и энергию.

Я рассказал о своих делах и семье, упомянул о проблемах с налоговой и о недавней поездке в Казань.

— Казань? — переспросил Анвар. — Я уже бывал там, по моим расчетам. Приятный город. А насчет налогов тебе надо посоветоваться с моим юристом, он толковый парень и обязательно поможет. Я сам его озадачу. Ты, главное, не сдавайся.

Я перевел взгляд на Зафара-ака, но он, опустив глаза, помешивал сахар в своей пиалке и не собирался вступать в разговор.

— Пойдем в мой кабинет, — предложил Анвар.

Комната, которую занимал Анвар, не изменилась. Все оставалось на своих местах, как в доме-музее какого-нибудь забытого писателя. На стене висел застекленный портрет с молодыми Зафаром-ака и Мухаббат-апа. Старый диван был укрыт все тем же красным бархатным покрывалом, немного полинявшим от протекшего времени. Сундук с сине-золотой металлической обшивкой все так же хранил свои тайны за черным тяжелым замком. Я вспомнил, как весело и многолюдно отмечался в этой комнате юбилей Мухаббат-апа. Свой тост я говорил долго и сбивчиво, в конце хотел пригубить соку, но от смущения откусил кусок стекла от бокала. «На счастье», — сказал тогда Зафар-ака, а Зульфия добавила: «Приятного аппетита!»

Посреди комнаты стоял низенький столик, за которым Анвар когда-то, сидя на полу, делал уроки. Теперь на столике лежал вырванный из ученической тетради линованный листок в пятнах задохшего чая. Сверху на нем крупными буквами было выведено: «Бизнес-план». Ниже следовали соединенные стрелками неровные прямоугольники с неразборчивыми записями внутри.

— Где же у тебя компьютер? — спросил я, хотя догадка уже мелькнула в голове.

— Все сейчас просто помешались на компьютерах и интернете. Я ими не пользуюсь. И телевизор, кстати, тоже не смотрю. У меня свои каналы для получения информации. — Анвар постучал себе пальцем по голове. — Сюда, по крайней мере, никто не залезет.

Он подошел к столику, перевернул листок записями вниз и лег на диван.

— Жаль, Азизы сейчас нет — в Турции отдыхает с детьми. Она была бы рада с тобой пообщаться, я много ей о тебе рассказывал.

Я отвернулся, чтобы скрыть слезы, и сделал вид, что смотрю в окно.

— Знаешь, Анвар, мне очень тебя не хватает, — сказал я через минуту, когда вновь овладел голосом.

Ответа не последовало. Я обернулся и увидел, что Анвар спит.

В нашей махалле, наверное, не было парня, который не заглядывался бы на Азизу. На ее тонкие, словно выписанные кисточкой миниатюриста, черты лица, в котором было что-то лисье, и на худенькую, выточенную фигурку с маленькой, едва обозначенной грудью. Она носила копну черных волос и — наверное, из-за близорукости,

хотя очков не носила, — когда шла, смотрела, слегка прищуриваясь, себе под ноги, словно передвигалась не по земле, а по какой-то неведомой инопланетной поверхности. Это придавало ей задумчивый и мечтательный вид.

В старших классах они дружили с Анваром. Родителям Азизы льстила дружба дочери с подающим надежды отличником, но все изменилось после школы, когда Анвар, провалившись на экзаменах в институт, оказался не у дел, как и многие его сверстники. Знающие люди потом говорили, что все места в престижном вузе были куплены заранее, еще до экзаменов, а Зафар-ака и Мухаббат-апа нужной суммы все равно собрать не смогли бы. Страна распадалась, найти приличную работу было непросто, и тогда родители Азизы сосватали ее за молодого успешного бизнесмена.

К тому времени я уже уехал из города, но земляки рассказывали мне о событиях, развернувшихся в день свадьбы.

Договорившись с друзьями, Анвар решил похитить любимую из-под носа у жениха. Аскар, самый отчаянный из махаллинских ребят, поддержал его:

— Если ты мужчина, положи руку на стол и скажи всем: «Она будет со мной».

Кто-то сказал, что никох состоится в мечети у кожзавода, и Анвар с друзьями на двух машинах рванули туда. Не застав никого в мечети, помчались в дом жениха, но тут перед воротами словно из-под земли выросли родственники новобрачных.

— Анвар-ака, идите домой, — нарушил напряженную тишину племянник Азизы.

— Позови ее! — крикнул Анвар.

— Идите домой, — повторил племянник.

Друзья поняли, что время упущено, перевес не на их стороне, — и постепенно рассеялись за спиной у Анвара. А он еще долго бросался грудью на живую упругую цепь, отлетая в пыль и шепча разбитыми губами свое безнадежное требование.

— Он часто засыпает днем, таблетки так действуют, — объяснил Зафар-ака, когда я вернулся к столу.

— А что с Азизой? Она в городе?

— Видел под горкой трехэтажный особняк? Живут там с мужем, у них две девочки.

— Анвар, наверное, встречается ее иногда?

— Иногда встречается, но не узнает, мимо проходит. Он помнит ее другой. Я, честно сказать, за Анварчика волнуясь. У меня сердце слабое. Случится что-то — кто за ним смотреть будет? У Зульфии своя семья, свои заботы. А в интернате он пропадет. Кто о чужом будет заботиться, когда сейчас до своих никому нет дела? Люди совесть потеряли, кругом обман. Вчера на базаре рис покупал...

Зафар-ака рассказывал о вчерашней покупке, но я уже не слышал его. Внезапно в моей памяти вспыхнул случай, о котором не вспомнил много лет.

Анвар взялся разобраться с Алиханом — моим одноклассником, который обижал меня по праву силы. Они зашли за школу, а я встал поодаль, чтобы видеть дорожку и не дать никому из учителей застать их врасплох. Анвар с Алиханом разговаривали тихо и с виду мирно, я не мог разобрать ни слова. Но когда я в очередной раз перевел взгляд с дорожки на разбирающихся, то увидел, что на земле, держась за живот, сидит одинокий Анвар. Он сидел на опавших кленовых листьях и смотрел на меня снизу вверх, сквозь боль и обиду. Я протянул ему руку, он поднялся, и мы медленно пошли на урок.

